Рене Кардильяк гофмановской «Мадемуазель де Скюдери» как пример акцентуации анально-сдерживающего типа личности

Никитин Илья

- психолог, организационный психолог, психоаналитик,
- член ЕАРПП,
- магистр искусств в области интегральной психологии (Университет Джона Ф. Кеннеди, США)

«Мадемуазель де Скюдери» (1818 г., в русскоязычном переводе также издавалась под названием «Девица Скюдери») — историческая новелла писателя-романтика, композитора и художника Э.Гофмана, одно из первых немецких произведений детективного жанра [5], повествующая историю о серии загадочных убийств и ограблений в Париже XVII века, жертвами которых выступали люди, имеющие с собой драгоценные украшения. Основное действие новеллы предваряется нижеследующим описанием:

«<…> объявилась напасть иного рода, вызвавшая новое замешательство. Шайка грабителей словно поставила своей целью завладеть всеми драгоценностями. Богатый убор, едва купленный, исчезал непонятным образом, с какой бы осторожностью его ни хранили. Но всего хуже было то, что всякий, кто решался выходить вечером, имея при себе драгоценности,

Прообраз взаимоотношений с законом (нормами, в широком смысле слова) закладывается именно на анальной стадии развития.

подвергался ограблению или находил смерть — на улице или где-нибудь в темных переходах дома» [4, с. 320-321].

В общих чертах дадим описание основных сюжетных вех новеллы. Протагонист произведения, пожилая поэтесса де Скюдери, получает от таинственного незнакомца шкатулку с украшениями, как позже выясняется, сделанными известным ювелиром Рене Кардильяком; позже, от того же неизвестного, она получает записку с требованием вернуть украшение назад её создателю под страхом смерти; в попытке возвратить драгоценность, де Скюдери обнаруживает Кардильяка в его доме заколотым насмерть. Полиция подозревает подмастерье мастера, Оливье, в убийстве, что служит началом собственного расследования де Скюдери, поставившей цель выяснить правду и оправдать юношу, на чьей непричастности к случившемуся настаивает его невеста и дочь погибшего ювелира, Мадлон. В ходе своих изысканий де Скюдери выясняет, что наводящим на парижан ужас убийцей был сам Кардильяк, охотившийся на своих жертв для возвращения им же изготовленных драгоценностей (перед этим опрометчиво подарившим одно из своих лучших произведений искусства главной героине в знак своего глубокого признания); таинственным же незнакомцем, сначала передавшим украшение по поручению своего господина, а позже возопившем о необходимости его срочно вернуть ради спасения одаренной, был Оливье, сейчас — подмастерье ювелира и жених его дочери Мадлон, опасающийся, что разоблачение мастера тяжким грузом ляжет на репутацию его возлюбленной и вследствие этого отказывающийся дать признательные показания против Кардильяка (о чьих преступлениях он был осведомлен), а ранее, ребенком, воспитывавшийся в доме де Скюдери и позже на долгие годы разлученный с ней в связи с отъездом из Парижа. Спасением для Оливье внезапно выступает граф Миоссен, сознающийся в том, что заколол Кардильяка при попытке последнего убить его на безлюдной улице, откуда Оливье и забрал тело господина, став основным подозреваемым в преступлении. Новелла заканчивается оправданием Оливье и его, совместно с Мадлон, отъездом в Женеву.

Цель статьи не в литературоведческом анализе произведения или его полноценном психоаналитическом разборе, а в намерении обратить внимание на личность антагониста новеллы, Рене Кардильяка, как пример анального характера.

Казалось бы, история антагониста банальна: «гениальный ювелир Рене Кардильяк, будучи не в силах расстаться с созданными им украшениями, безжалостно убивает их владельцев ударом ножа в сердце, прячет драгоценности в своей кладовой, прикрепляя к каждой указание, для кого создана вещь и как получена обратно» [7, с. 143], но следует познакомиться с некоторыми описанными фактами биографии Кардильяка поближе, чтобы соотнести их с анальной стадией развития личности и разобраться в том, действительно ли его судьба столь прозаична.

В рамках концепции психосексуального развития, движения ребенка «от инфантильных способов удовлетворения влечений к более зрелым, позволяющим в конечном

итоге вступить в сексуальный контакт с человеком противоположного пола [и выработать здоровые сексуальные проявления и способность иметь ответственные отношения. — И.Н.]» [10, с. 1], анальная или анально-садистическая стадия (в силу усиления агрессивных импульсов, когда, «проявляя упрямство и стремясь достичь поставленной цели шантажом, разрушением окружающих предметов, ребенок выплескивает вовне агрессивные тенденции, зачастую причиняя физический вред и ущерб» [2, с. 55]) начинается с появлением контроля за сфинктерами и возрастанием двигательной активности (в частности большим, чем на предшествующей оральной фазе, нейромышечным развитием), что характерно для возраста от 1 до 3/4 лет, когда ключевой эрогенной зоной становится анальная (смещаясь с ротовой полости) и формируются основы чистоплотности и опрятности, соблюдения социальных норм, самоконтроля и саморегуляции.

На данной стадии развития ребёнок получает удовольствие от удержания и выталкивания фекалий и приобретает навык усиления удовольствия путём отсрочки момента отправления нужды. «Но так как в любом случае по причине физиологического удовлетворения эрогенной зоны этот туалет приятный, противоречивые переживания ассоциируются с матерью, это первое открытие ситуации амбивалентности. Произвести свои экскременты в подходящий момент, когда взрослый их просит, становится тогда также способом вознаграждения (здесь — со стороны ребенка по отношению к матери), знаком доброго согласия с матерью, в то время как отказ подчиниться ее желаниям эквивалентен наказанию или отсутствию согласия с ней» [6, с. 31].

На анальной фазе развития, считал З.Фрейд, формируется одна из ключевых пар противоположностей в психической жизни — полярность активности и пассивности [13]: «слишком жесткое, слишком строгое, ригидное и консервативное воспитание «ломает» ребенка в этот период, делает его сверхпослушным, сверхприспособленным, подавляет его собственную активность» [12, с. 15]. Соответственно, чистота становится принадлежащей ребенку, он открывает понятие своей власти — отправлять физиологические потребности или нет, или, другими словами, вознаградить свою мать или нет.

Из текста новеллы известно, что антагонист — мужчина в возрасте, но сохраняющий отличную физическую форму: «невысокого роста, но крепкого сложения, мускулистый и широкоплечий, Кардильяк, которому было под шестьдесят, сохранял всю силу, всю подвижность юноши» [4, с. 328], он описывается Гофманом с применением таких определений, как благородный, честный, бескорыстный и прямой, но со странным взглядом запавших зелёных глаз, который мог показаться подозрительным и «заставить подумать, будто перед вами — существо злобное и коварное» (там же). Последнее предстает в особенности характерной

Фиксация антагониста на анальной фазе является настолько выраженной, что проявляется как неспособность расстаться с объектами гиперсосредоточения его либидо даже после физической смерти, по аналогии с древнеегипетскими погребальными обрядами, когда фараонов хоронили вместе со всеми сокровищами.

чертой, учитывая «ночную» жизнь Кардильяка. Здесь важно упомянуть, что прообраз взаимоотношений с законом (нормами, в широком смысле слова) закладывается именно на анальной стадии развития. Так, обучение пользованием туалетом предстает в виде испытания для ребенка, обретается первый опыт социализации и внешнего управления за инстинктивными импульсами; ребёнку, пишет Эйдемиллер с соавторами [14, с. 34], «приходится учиться откладывать удовольствие, которое возникает после облегчения кишечного напряжения», а также, соответственно, осваивать самоконтроль и определенную автономность. Также, в данной фазе происходит первое для ребенка столкновение с социальной нормой/правилами/ценностями и закладывается будущее отношение к ним в принципе [1], появляется концепция запрета и наказания [12].

Кардильяк изображается первоклассным лучшим мастером золотых дел во всём Париже, который принимается за работу с навязчивой увлечённостью. Принципиальную важность здесь представляет дословное описание, которое дает Кардильяку Э.Гофман:

«Всякий заказ он принимал с горячей, жадной страстью и назначал цену, явно не соответствовавшую его работе, — так ничтожна была эта цена. Потом сама работа уже не давала ему покоя; и днем и ночью он стучал молотком в своей мастерской, и случалось, что вдруг, когда вещь уже почти готова, ему не понравится форма убора, или он начнет сомневаться в изяществе какой-нибудь оправы, какой-нибудь застежки — достаточный повод для того, чтобы бросить убор в плавильный тигель и начать все сначала. Так каждое его произведение становилось подлинным, непревзойденным шедевром, который повергал заказчика в восторг. Но тогда оказывалось почти невозможным получить от него готовую вещь. Он с недели на неделю, с месяца на месяц под разными предлогами оттягивал ее выдачу. Напрасно предлагали ему двойную цену за его труд, он не желал взять ни одного луидора сверх обусловленной суммы. А когда наконец ему приходилось уступить настояниям заказчика и он отдавал украшение, то не мог скрыть глубокой досады, даже ярости, кипевшей в нем. Когда ему случалось отдавать какой-нибудь замечательный, особенно богатый убор, стоивший, может быть, многих тысяч, как по ценности камней, так и по чрезвычайному изяществу золотой оправы, он начинал бегать взад и вперед, словно безумный, проклиная себя, свою работу, все на свете» [4, с. 329].

Упрямство является типологической чертой для анального характера.

Доподлинно счастливым Кардильяк является только тогда, когда работает над новым украшением, но всегда сердится, становится хамоват и проявляет упрямство, когда дело подходит к тому, чтобы отдать готовый убор заказчику, а иногда проявляет значительное волнение, слезы и стоны, буквально умоляет не забирать драгоценность, настаивая на необходимости её доработки (упрямство, важно упомянуть, является типологической чертой для анального характера. Так, Э.Эйдемиллер с соавторами [14, с. 34] указывают: «Ребёнок станет упрямым и скупым либо под воздействием подавляющих методов приучения к горшку может начать выражать свой гнев, совершая дефекацию в самое неподходящее время в самом неподходящем месте». В обратном случае, когда

ребёнок получает поощрение в противовес принуждению, похвалу за успешное отправление функций, появляется прообраз возможности созидания, формируются предпосылки к творчеству и продуктивной деятельности (там же), формируется щедрость, великодушие и формируется желание делать подарки значимым близким [1]).

Как мы можем объяснить, что Кардильяк все же расстался добровольно с одной из своих драгоценностей, пожелав подарить де Скюдери богатый убор («Наконец он схватил ящичек, который Скюдери протягивала ему, медленно опустился на одно колено и сказал: — Вам, благородная, достойная госпожа моя, сама судьба предназначила этот убор. Да, теперь лишь я понял, что, работая, думал о вас, что трудился только для вас. Не откажитесь принять этот убор и носить его, это лучшая из всех вещей, которые я сделал за долгие годы» [4, с. 332])? Гофман самостоятельно, устами спутницы протагониста Ментетон, дает удовлетворительное разъяснение: из чувства инфантильной влюбленности. Символически, де Скюдери здесь замещает мать Кардильяка, которой, отыгрывая анальную первосцену, он преподносит свой самый драгоценный подарок (=кал=драгоценный убор).

Когда Оливье узнал о тайной жизни мастера, тот велел ему все награбленное уничтожить: «В день твоей свадьбы <…> ты, положа руку на распятие, дашь мне священную клятву, что после моей смерти превратишь в прах все эти сокровища — способом, который я тебе укажу. Я не хочу, чтобы кому-нибудь на свете, а уж менее всего — Мадлон и тебе, достались сокровища, купленные ценою крови» [4, с. 360]. Мы можем сделать допущение, что фиксация антагониста на анальной фазе является настолько выраженной, что проявляется как неспособность расстаться с объектами гиперсосредоточения его либидо даже после физической смерти, по аналогии с древнеегипетскими погребальными обрядами, когда фараонов хоронили вместе со всеми сокровищами.

Когда ребёнок получает поощрение в противовес принуждению, похвалу за успешное отправление функций, появляется прообраз возможности созидания, формируются предпосылки к творчеству и продуктивной деятельности, формируется щедрость, великодушие и желание делать подарки значимым близким.

Инфантильный характер фиксации протагониста раскрывается в истории, которую рассказывает о беседах с ним Оливье. Гофман изящно вплетает в детективную новеллу мистицизм, отводя главенствующую роль «злой звезде», что предначертала его путь еще до рождения; так, беременная, его мать столкнулась на одном придворном празднике с джентльменом, «в испанском наряде с блестящей, усеянной драгоценными камнями цепью на шее» [4, с. 357], которая заворожила её, возбудила её желание, и они уединились: «Там он, полный страсти, заключил ее в объятия, мать схватилась за его великолепную цепь, но в тот же миг он пошатнулся и увлек ее в своем падении. Случился ли с ним удар или была тут другая причина, но он упал мертвый» [4, с. 358].

Этот момент, описывает Кардильяк, навсегда зародил в нём страсть к украшениям и, впоследствии, к их воровству: «Уже в раннем детстве я больше всего любил блеск бриллиантов, золотые украшения. В этом видели обыкновенную детскую причуду. Но оказалось, что это не так: уже отроком я крал золото и бриллианты, где только находил» (там же).

> Условное отождествление золота с нечистотами становится как бы отражением ранних детских переживаний, связанных с контрастом между ценными для ребенка продуктами дефекации и их обесцениваем со стороны взрослых, между «подарком», как частью собственного тела, и отбросами, нечистотами.

Здесь мы утверждаемся в своём установочном допущении, что все устремления антагониста имеют корни в раннем детском периоде его развития. Не менее интересным для иной спекулятивной гипотезы является обстоятельство, давшее толчок («злая звезда», по поэтическому приему Гофмана) будущему пристрастию юного Кардильяка к драгоценным украшениям. Мы можем сделать предположение, что драгоценности для беременной матери антагониста ввиду произошедшей сцены (выступившей, вероятно, катализатором для некоторых предшествовавших событий) стали выраженным хорошим объектом, сосредоточением её бессознательных влечений и желаний. Это, возможно, и предопределило характер её будущего отношения к научению ребенка отправлению физиологических функций; так, претерпев в течении времени символическую трансформацию, либидинозный объект был подменен «драгоценным подарком» от ребенка (=калом), что сформировало определённое отношение к приучению ребёнка к горшку, вероятнее всего — гипертребовательность к акту дефекации, чему её сын всячески противился, вступая с ней в конфронтацию, удерживая кал вместо его выталкивания, что мы можем допустить из проявившихся во взрослом характере черт Кардильяка. Так, там, где он говорит о своей любви к «блеску к брильянтов и золотых украшений» и их краже, мы, в действительности, должны видеть аллюзию на экскременты и тенденцию к их удержанию (оно же накопительство для замещающего объекта, драгоценности, соответственно). Здесь же мы должны отметить низкую привлекательность замещающего объекта в оппозицию к самому акту его собирательства (удержания); нигде по тексту новеллы — ни в прошлом, ни в настоящем Кардильяка — мы не видим ни корыстных устремлений, ни какой-либо иной выгоды от драгоценностей. Нам известно, что ювелир за свой искусный труд «назначал цену, явно не соответствующую его работе, — так ничтожна была эта цена» [4, с. 329], то есть Кардильяку не были ценны драгоценности (=кал) как таковые, но ценно было только их накопительство (=удержание). Последнее, в частности, подтверждает ранее высказанную гипотезу о сверхфиксации антагониста на сохранении драгоценностей (обладании собственностью), выразившуюся в желании всё уничтожить после его смерти, что тождественно презервации единоличного владения.

Характерологические черты личности Кардильяка, такие как его упрямство в работе, маниакальность и скрупулёзность, тенденция к единоличию (работал ювелир

В анальном характере будут характерны упрямство и независимость (в том числе недоверие другим людям, стремление всё делать самостоятельно), неспособность наслаждаться чем-то приятным, если не всё окружающее гармонизировано, частое недовольство и угрюмость.

преимущественно в одиночку, и подмастерье Оливье принял к себе на службу в зрелом возрасте крайне неохотно, холодно и сурово (стоит отметить, что метод обучения пользования туалетом и отношение родительских фигур к акту отправления физиологических потребностей имеют прямое влияние на формирование характера ребёнка. Так, в частности, если проявляется строгость и подавляющие методы воспитания, «ребёнок может удерживаться от дефекации и разовьется запор. Этот способ реагирования может распространиться на другие области поведения, и тогда у ребёнка разовьется «удерживающий» характер («анально-выталкивающий» или «анально-сдерживающий» тип личности, где первый характеризуется беспокойностью, импульсивностью и тревожностью, щедростью и расточительством, второй — жадностью, склонностью к накопительству, стремлением к сохранению контроля над вещами и людьми [11, 3]), может быть повышена угроза развития невроза навязчивых состояний [1]. Во всех случаях, дополняет Джонс, в анальном характере будут характерны упрямство и независимость (в том числе недоверие другим людям, стремление всё делать самостоятельно), неспособность наслаждаться чем-то приятным, если не всё окружающее гармонизировано, частое недовольство и угрюмость, стремление к самообладанию; Садгер добавляет здесь медлительность, отмечая что люди с анальным типом характера являются «откладывающими и задерживающими свои действия до последней минуты, но в дальнейшем набрасывающиеся на работу с безудержной энергией» [9, с. 64]).

Символическое равенство между калом, подарком и деньгами уже в ранних работах было установлено З.Фрейдом [13], и относится к примитивному архаическому мышлению. Так, указывает В.Лейбин [9, с. 63], «в древних культах, мифах и сказках, в бессознательном мышлении, сновидениях и при психоневрозах часто присутствуют одни и те же мотивы: подаренное дьяволом человеку золото превращается в кал; золотые монеты становятся кучками дерьма. Условное отождествление золота с нечистотами становится как бы отражением ранних детских переживаний, связанных с контрастом между ценными для ребенка продуктами дефекации и их обесцениваем со стороны взрослых, между «подарком», как частью собственного тела, и отбросами, нечистотами <…>». Ф.Дольто [6, с. 32-33] здесь делает важнейшее уточнение:

«И это «подарок», который он сделает, будет подобен всем другим «подаркам», которые «делают» — деньгам, каким-либо предметам, — которые становятся ценными по той простой причине, что их дают, даже ребенка, братика или сестренку, которых в фантазмах детей мать делает через анус, после того, как съест чудесный продукт. Это открытие садистического удовольствия».

В совокупности с ярко проявляющейся тенденцией к удержанию драгоценностей, которую мы бы могли обозначить как бессознательную тенденцию к пролонгации

удовольствия от взаимодействия с украшениями, и последующему их накопительству, демонстрируют анально-сдерживающий тип личности.

Так, в свете изложенного, можно согласиться с оценкой А.Демченко [5], которая уместно называет страсть Кордильяка к драгоценным камням патологической, какой она в силу акцентуации его характера и является. Соответственно там, где Н.Кирилленко [8, с. 6] указывает, что «для гениального ювелира Кардильяка убийство заказчиков его изделий, конечно, не творчество, но следствие его творчества», возможна иная трактовка, а именно, утверждение, что убийства есть следствие его фиксации на анальной фазе, где предметы роскоши символическим образом замещают фекалии, а акт накопительства — удержание каловых масс и удовольствие, получаемое вследствие этого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бузиян Д.Б., Минаева А.Р., Стычева А.В. Некоторые отечественные и зарубежные подходы к решению проблемы периодизации детства //Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты. 2018. С. 100-104.
2. Буняева М.В., Ковш Е.М. Агрессия и деструкция в фокусе психоанализа //Северо-Кавказский психологический вестник. 2015. №4.С. 55-57.
3. Гаман Е.А. Индивидуальный доход как тема межличностной коммуникации // Психология третьего тысячелетия: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2016. С. 42-46.
4. Гофман Э.Т.А. Новеллы. М.: Московский рабочий, 1983, 448с.
5. Демченко А.И. Двести лет назад (романтические искания Э.Т.А. Гофмана) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №1. С.163-173.
6. Дольто Ф. Собрание сочинений. Т. I: Психоанализ и педиатрия. Ижевск: ERGO, 2008, 288с.
7. Ильченко Н.М., Маринина Ю.А. Париж как реальное и фантастическое пространство в изображении Э. Т. А. Гофмана и Ш. Бодлера //Научный диалог. 2019. №7. С. 140-155.
8. Кириленко Н.Н. Детектив: логика и игра //Новый филологический вестник. 2009. №2. С. 1-28.
9. Лейбин В.М. Словарь-справочник по психоанализу. М.: АСТ, 2010, 956 с.
10. Лосева В.К., Луньков А.И. Психосексуальное развитие ребенка. М.: АПО, 1995. 52 с.
11. Оноприенко Д.А. Теоретический анализ нарушений полоролевой идентичности // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2019. № 2. С. 256-267
12. Хорн Г. Шесть этапов развития ребенка в зеркале символдрамы //Символ и драма. 2000. №. 5. С. 12-25.
13. Шторк Й. Психическое развитие маленького ребенка с психоаналитической точки зрения //Энциклопедия глубинной психологии. 2001. Т. 2. С. 134-198.
14. Эйдемиллер Э.Г., Городнова М.Ю., Тарабанов А.Э. Детская психиатрия, психотерапия и медицинская психология. СПб.: Питер, 2021, 720с.